

Взгляд деда Су в одно мгновение стал острым, как лезвие. Он долго молча сверлил Чжо Хуа глазами, а затем, задрожав от гнева, подхватил трость и слегка ударил внука по голени:

— Щенок! В роду Су отродясь не было подлецов, бросающих своих возлюбленных! Если посмеешь натворить дел, смотри у меня, ноги переломаяю!

Чжо Хуа обиженно потер ушибленное место и пробормотал себе под нос:

— В роду Су не было подлецов? Да ну? А как же Су Цинцин, разве она не такая же?

Сказав это, он тут же настороженно отпрянул назад, опасаясь, что дед услышит и снова пустит в ход трость.

— Что ты сказал? — дед Су не расслышал слов, но интуитивно почувствовал, что ничего хорошего там не было.

— Ничего, я ничего не сказал. Дедушка, у меня дела, в другой раз приеду навестить, — Чжо Хуа, не оглядываясь, бросился наутёк.

Дед Су лишь покачал головой, не зная, смеяться или плакать:

— Ну и сорванец.

Затем он вытянул шею, глядя вслед убегающему внуку, и крикнул:

— Приведи того человека домой, дай деду взглянуть! Слышишь?

Чжо Хуа закрыл уши руками:

— Ничего не слышу!

Дни тянулись своим чередом: работа, дом, словно заезженная киноплёнка, которую крутят по кругу. Но в какой-то момент, за едой, во время прогулки или даже ночью, лежа в постели перед сном, он поймал себя на том, что в его мыслях поселился чужой образ.

Чжо Хуа ворочался в кровати, ероша волосы. В сердце жил Цзян Яньцы — всякий раз, когда он думал о нём, внутри все становилось мягким, словно вата. Но стоило ему увидеть Чу Ичэня, как тело тут же предательски реагировало жаром.

Он бессознательно коснулся пальцами шеи. Ощущение того укуса той ночью стало пугающе отчетливым. Чжо Хуа резко накрыл лицо подушкой и глухо выругался — ну что за чертовщина?

В тишине комнаты внезапно завибрировал телефон. Чжо Хуа взглянул на экран, где

высветилось имя. Несмотря на то, что этот человек смущал его и выбивал из колеи, большой палец сам собой скользнул по кнопке ответа:

— Чего тебе? — голос дрогнул, в окончании фразы проскользнули капризные нотки, словно у рассерженного кота, не сумевшего скрыть свою мягкость.

— Скучаю, — раздался в трубке низкий смешок, пропитанный небрежной нежностью.

Чжо Хуа сжал край одеяла, кончики его ушей вспыхнули:

— Перестань. Не будешь ничего говорить — я положу трубку.

— Постой! — в голосе Чу Ичэня зазвучала улыбка. — Нет-нет, я хотел пригласить тебя завтра на обед.

— Посмотрим, как будет настроение, — Чжо Хуа прикусил губу, сердце колотилось так, будто готово было пробить грудную клетку. Не дожидаясь ответа, он поспешно завершил вызов.

Телефон упал экраном вниз на подушку, а он сам зарылся лицом в одеяло.

Нет, так нельзя. Он любит Цзян Яньцы.

Он так долго любил именно Цзян Яньцы.

Поразмыслив, он поднялся с кровати. Звук его шагов в шлепанцах отчетливо отдавался в тишине. Чжо Хуа на ходу пригладил взъерошенные волосы, кончики которых торчали в разные стороны, и с каким-то отчаянным упрямством постучал в дверь комнаты Цзян Яньцы.

— Не спится? Хочешь войти? — голос Цзян Яньцы был окутан ночной хрипотцой. Его взгляд скользнул по свободной пижаме гостя и остановился на покрасневших уголках глаз. Кадык Цзян Яньцы невольно дернулся.

— Хочу.

Лунный свет пробивался сквозь занавески, рисуя на постели причудливые тени. Чжо Хуа повернулся, и ткань пижамы зашуршала. Он прильнул к нему, словно ленивый кот, кончиком носа коснулся выступающего позвонка на затылке Цзян Яньцы. Когда его ладонь легла на напряженные мышцы талии, он почувствовал, как партнер мгновенно окаменел.

Ресницы Цзян Яньцы часто дрожали, даже дыхание стало осторожным. Он слышал, как его собственное сбивчивое сердцебиение отдается болью в ушах, а тихий вздох, сорвавшийся с губ, был прерван произвольными движениями Чжо Хуа.

Неужели это то, о чем он думал?

Цзян Яньцы только начал поворачивать голову, чувствуя, как на животе еще сохранилось тепло чужой ладони, как вдруг услышал шорох постельного белья.

Обернувшись, он успел заметить лишь мелькнувший белый край одежды. Чжо Хуа уже стоял босиком на холодном полу, потеряв по дороге один тапок. Тусклый свет ночника играл на его волосах — он выглядел как испуганный олененок. Даже слова о том, что он привык спать один, прозвучали срывающимся голосом. В тот момент, когда он с грохотом захлопнул дверь, поднявшийся поток воздуха унес с собой едва уловимый аромат жасмина.

Цзян Яньцы смотрел на удаляющуюся фигуру, чувствуя внутри пустоту, и невольно сжал простыни так, что они пошли складками. Но поделать с этим он ничего не мог.

Тело горело от невыносимого жара. Вздохнув, он поднялся с кровати и быстрым шагом направился в ванную.

Вернувшись в свою комнату, Чжо Хуа уткнулся лицом в подушку, беспорядочно пиная ногами одеяло. В голове, словно калейдоскоп, мелькали то полный недосказанности взгляд Цзян Яньцы, то горячее прикосновение его кожи.

— Конец, просто конец... — простонал он в подушку, обеими руками зажимая пылающие щеки.

Казалось, его мысли должны быть заняты только Цзян Яньцы, но образ Чу Ичэня, его наглые, сводящие с ума манеры, обвивали сознание, словно лианы. Если он не может уснуть, то и виновник его бессонницы не должен.

Чжо Хуа схватил телефон и, несколько раз ткнув в список контактов, набрал номер Чу Ичэня. Трубку сняли после второго гудка.

— Ну чего? — раздался ленивый голос.

Чжо Хуа вдруг замялся, но спустя долгое время выдавил:

— Я не могу уснуть. Придумай что-нибудь, чтобы усыпить меня, — голос звучал сухо, словно он отдавал приказ. Не дожидаясь ответа, он добавил: — Быстрее.

На том конце помолчали несколько секунд.

— Предок, сейчас три часа ночи.

— Мне плевать, сколько сейчас времени! Давай быстрее, мне завтра на работу.

В трубке послышался шорох одежды. Голос Чу Ичэня стал ниже, в нем проскользнули опасные, дразнящие нотки:

— Малыш, ты там от бессонницы совсем рассудок потерял? — он намеренно растянул слова. —

Жди. Я сейчас приеду, и будь уверен — завтра ты не встанешь, даже если солнце будет печь тебе прямо в задницу.

Уши Чжо Хуа мгновенно стали пунцовыми, пальцы, сжимавшие телефон, задрожали:

— Чу! И! Чэнь! Да как ты смеешь!

— Я... я просто... — окончание фразы утонуло в вое ветра за окном. Он прикусил губу, слушая низкий смех в трубке, и с ужасом осознал, что от волнения даже не может внятно пригрозить.

Он тут же взял себя в руки:

— Завтра сам иди обедать, хмпф.

Чжо Хуа сердито сбросил вызов и перевернул телефон экраном вниз. Вскоре аппарат начал непрерывно вибрировать, экран то загорался, то гас. Он закусил губу, специально не глядя, кто звонит, пока вибрация окончательно не стихла.

Через некоторое время телефон пиликнул — пришло новое сообщение. Чжо Хуа украдкой взглянул: это был Чу Ичэнь, весь экран был забит сообщениями: я виноват, не злись.

Внутри все еще клокотала обида, но пальцы уже непроизвольно скользили по экрану, читая одно извинение за другим. Наконец, Чжо Хуа вздохнул и нажал кнопку вызова.

Трубку сняли мгновенно. Оттуда донесся заискивающий голос Чу Ичэня:

— Предок, я правда осознал свою вину...

<http://bllate.org/book/18787/1824507>